

положение в университете, которое было выражением существовавшего в Чехии преобладания феодалов и патрициев-иноземцев. С чувством достоинства и законной гордости за родной народ Гус отмечал, что к этому времени образованные люди из чехов «размножились более иностранных учителей и возвысились над ними познаниями в науках».

В накалённой атмосфере Чехии начала XV века внутриуниверситетский конфликт приобрёл значение, выходящее далеко за пределы столкновения между чешскими и немецкими магистрами. Борьба особенно обострилась в связи с тем, что немецкие магистры в тяжёлое для страны время поддерживали врагов чешского государства. Борьба чешских патриотов увенчалась успехом, когда немецкие магистры во время очередного конфликта Вацлава с папой оказались на стороне противников короля. Вацлав и прежде оказывал покровительство чехам университета, а теперь издал знаменитый Кутногорский декрет (январь 1409 года), который должен был положить конец преобладанию иноземцев в Пражском университете. Отныне чешские магистры получали в университетском совете и других органах три голоса против одного, который оставался у немцев. Эта победа в силу большой политической роли университета в Чехии и в условиях обострения всей обстановки в стране приобрела значение сигнала к активизации борьбы против иностранного засилья. В ряде городов, да и в самой Праге чешское бюргерство предпринимало попытки оттеснить немецких патрициев от монопольного использования хозяйственных ресурсов городов и от захваченных ими позиций в городском управлении.

Но Гус не ограничивал свою деятельность стенами университета. Он обращался с энергичной пропагандой к широким слоям пражского населения, используя с этой целью своё положение проповедника в Вифлеемской часовне. В его проповедях звучали патриотические мотивы. Гус подчёркивал в своих выступлениях, что чехи «должны быть во главе, а не в хвосте», что они должны сами руководить своей землёй. В соответствии с условиями времени он объявлял, что немецкое преобладание в чешской земле противно божескому закону и церковным канонам. Вместе с тем Гус был чужд шовинизма и неоднократно подчёркивал, что для него «хороший немец ближе плохого чеха».